

САША ХЕЛЛМЕЙСТЕР

ЛОВУШКА ДЛЯ КРИКА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х36

Иллюстрация на переплете и внутренние иллюстрации — *Nicta*

Иллюстрации в блоке текста *Евгении Лукомской*

Хеллмейстер, Саша.
Х36 Ловушка для Крика / Саша Хеллмейстер. — Москва :
Эксмо, 2025. — 352 с. — (Коллекция странных дел).

ISBN 978-5-04-205002-2

В Скарборо ходят слухи, что Крик — маньяк, жестоко расправляющийся с жителями города, — найден убитым. Однако Лесли Клайд уверена, что это не так. Крик, который стал ее личным кошмаром, не мог попасться так просто.

Пока полиция плетет заговор против ее возлюбленного, желая повесить на него убийства, Лесли устраивает вечеринку в честь его дня рождения. Но праздник оборачивается трагедией: двое ее друзей бесследно исчезают, а вскоре все, кроме девушки, забывают об их существовании.

Единственный, кто может объяснить произошедшее, — это Крик. Ведь маньяк знает, что на этих землях живет древнее зло. И оно уже обратило свой леденящий взор на охотника и его идеальную жертву...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205002-2

© Хеллмейстер С., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Плейлист

- 00 | Second Chance — Darkhaus
- 01 | You Can't Take Me — Bryan Adams
- 02 | Heart-Shaped Box — State Of Mine
- 03 | Hard Drive — Griffinilla
- 04 | Who Taught You How to Love — King Dude
- 05 | Dangerous — Perturbator, Kabbel
- 06 | Stripped — David Pataconi
- 07 | Join Me in Death — Hit Crew Masters
- 08 | Thy Sleep Shall Be Sweet — Efisio Cross
- 09 | Red Death — Brann Dailor
- 10 | Invincible — Nitroverts
- 11 | Lie To Me — Chris Isaak
- 12 | Run To You — Bryan Adams
- 13 | You & Me — Memphis May Fire
- 14 | To the Moon and Back — Mason Watts
- 15 | Love to Hate — Battlejuice, Power Rob
- 16 | Suffer — Hurts
- 17 | Ride the Lightning — Warren Zeiders
- 18 | Fainted (Slowed) — Narvent
- 19 | Sweater Weather — RhythmRebel
- 20 | Lose Your Heads — YONAKA
- 21 | Self Control — Ruin Of Romantics
- 22 | Bad Bad Bad — Temple Balls

ПРОЛОГ

Скарборо. Штат Мэн. 21 октября 2020 года

Коридоры центральной больницы Скарборо были пусты: ночью всё здесь замирало до поры до времени, пока не наступал час планового обхода и проверки пациентов, особенно таких, как пациент в палате эф-четыренадцать — тяжелораненый. Его прооперировали в другом штате, здесь же он являлся объектом пристального врачебного наблюдения и радовал своих докторов тем, что быстро шёл на поправку.

Полы были уже чисто вымыты, посетители — давно выпрожены, с пациентами тоже полный порядок, а потому дежурный персонал мог расслабиться: следующий обход по графику не раньше трёх часов: теперь поспать бы, пусть и недолго...

Пациент в той самой палате, отключённый от кардиомонитора уже сутки, тоже был погружён в дрему, но беспокойную. Под голубой больничной рубашкой он весь вспотел. Кожа лоснилась и поблёскивала в слабом свете ночника; тёмно-каштановая коса, убранный на подушку, упала ему на плечо. Он рвано, поверхностно дышал, крепко сжав левую руку в кулак. Под закрытыми веками заворочались глазные яблоки. Он двигал ими, будто смотрел вправо и влево, не пробуждаясь. Затем напрягся всем телом. Пошевелился под тонким пледом. Издал тихий, болезненный стон. Там, в мире грёз и кошмаров, его потревожил вороний грей, резкий и острый, будто осколки. В этом тревожном сне он снова видел, как его кромсают ножом в лесу, под набухшей жемчужиной нью-джерсийской луны.

Удар за ударом; его плоть раскраивали на лоскуты. Лезвие хищно погружалось в тело и пило его кровь. Казалось, лезвие было живым и пульсирующим. Оно хотело ещё, и ещё, и ещё...

Виктор Крейн метался в постели, когда что-то влетело в окно — бам! — и с глухим стуком ударило снова.

Бам!

И тогда он вздрогнул и проснулся, весь в холодном поту.

Стояла глубокая ноябрьская ночь. Деревья за больничным окном, казалось, заоченели, покрылись тонким инеем. В коридорах была такая тишина, что Вику чудилось — умер целый мир, и только он очнулся от вечного сна. Он устало провёл рукой по лицу, желая стереть лекарственный морок, когда...

Бам.

Ему не приснилось. В окно снова ударили. Тогда он медленно повернул голову на звук.

Тьма за стеклом была непроглядной бездной. Она, казалось, дышала, будто огромное затаившееся чудовище. Вик, слабо придерживаясь за железную ручку больничной койки, встал. За ним от капельницы протянулась прозрачная тонкая трубка; Вик сделал шаг к окну. Он не совсем понимал зачем: стук пугал его.

Но Виктор Крейн привык смотреть туда, где страшно.

Ноги почти не держали: он слишком ослаб. В мутном после сна разуме кошмары из потустороннего мира подсознания казались плотски ощутимыми и реальными, и он, стараясь унять бешено колотящееся сердце, навалился на узенький подоконник, чтобы подавить желание как можно скорее вернуться в кровать и забыться новым тяжёлым сновидением. За окном, кажется, ничего не было: только пустота и тьма, которые смотрели на него и пугали больше, чем любые монстры и чудовища. Вик не понимал, почему по его плечам пробежали мурашки, как от предчувствия чего-то злого... И, когда он прислонил смуглую ладонь к холодному стеклу, всматриваясь в вязкую ночную мглу, похожую на пролитые чернила, из этой мглы выступила потрескавшаяся, старая маска убийцы с кровью, вьёвшейся в щёки, подбородок и губы, с ножевидным рисунком под глазами, с ремнями по обе стороны, прижимавшими маску к лицу под капюшоном. Она слегка улыбалась уголками чёрных губ, почти как живая.

По ту сторону хрустальной зыби к его руке убийца приложил свою, в чёрной перчатке, и постучал по стеклу бритвенно-острой рукоятью охотничьего ножа.

Вик сглотнул. Он пристально смотрел на маску убийцы, а она смотрела на него. Он склонил голову вбок, вправо: маска, будто в насмешку, отзеркалила его движение. Вик убрал руку от стекла. Убийца по ту сторону окна убрал руку с ножом, а затем медленно поднял кулак и стукнул им по раме.

«Открой мне», — безмолвно потребовал он.

Виктор Крейн едва покачал головой. И тогда маска заговорила с ним сама.

«Я сделал бы это с тобой прямо сейчас, — сказала она, не размыкая чёрных губ. Голос доносился так тихо и был таким глухим, что Вик едва различал слова. — Если бы не одно обстоятельство. Ты же знаешь, о чём я говорю? Да, ты знаешь... маскот¹. Или нет?»

Виктор Крейн тихо сглотнул: дёрнулся его кадык. Свежие раны, только начавшие затягиваться, разнылись, напомнив о себе. Убийца выдержал паузу, наблюдая за своей жертвой. Цвет его тела слился с цветом ночи, и казалось, весь мир за окном и был его телом, а он сам — бездной и тьмой, и у тьмы этой, невообразимо громадной и беспредельной, оказалось ужасающее лицо.

«Ах, она тебе не сказала, — насмешливо произнёс Крик. — Она не доверила тебе **свой** маленький секрет?»

— О чём ты? — прошептал Виктор Крейн.

«Всё тебе скажи, — ответила маска. Убийца под ней улыбался. — Знаешь, завалить такого полуживого зверя, как ты, сейчас проще некуда, только тогда я стану ей навсегда врагом... А я этого не желаю. Убить тебя — значит потерять её. А я, так уж вышло, привязываюсь к людям, которые мне дороги. И стараюсь их не разочаровывать».

Вик уставился в пустые глазницы маски. Под ними совершенно точно не было видно глаз. Его охватил страх — больший, чем он испытывал за себя. Лесли? Эта тварь по ту сторону ночной пустоты говорит о Лесли? Либо это так, либо он сошёл с ума. Из самой глубины его груди поднялся горячий ком: он обжёг лёгкие,

¹ Маскот (слэнг) — персонаж-талисман, приносящий удачу. В качестве оскорбления индейцев называют «маскотами» по признаку стереотипной похожести друг на друга, по признаку общего происхождения.

развернулся огненным цветком у самого сердца, опалил горло и вырвался наружу вместе с хриплыми словами:

— Ты её не тронешь.

«Кого не трону? Твою Лесли? Или **мою**? — удивилась маска и вдруг улыбнулась ему. Там, под плотно сомкнутыми пластиковыми губами с потрескавшейся от времени чёрной краской, Вик увидел ряд мелких, острых, хищных зубов, и ему стало дурно. — *Время идёт, Кархаконхашикоба. Дыши, пока дышится. Живи, пока живётся. И не старайся изменить будущее: его предопределило прошлое. Ведь они во всём виноваты сами*».

Вик медленно сделал шаг назад. Он неотрывно смотрел, как убийца поднял руку, затянутую в перчатку: большая ладонь легла на его маску, и пальцы обхватили её, будто паучьи лапы. Сердце у Виктора Крейна заколотилось сильнее прежнего. Во рту стало сухо. Убийца стянул её с лица и опустил руку, и из-под капюшона на Вика взглянула...

...пустота.

Тот, кто охотился за ним и убивал в Скарборо, застыл на целый миг — сгустившийся мрак, сама тьма древнее библейского ада, бездна, посмотревшая в ответ, — а потом отступил обратно в пелену ночи и растворился в ней, словно его и не было.

* * *

Чак Делори был опытным сталкером, но не ожидал, что преследователь окажется настолько шустрым. Он перепрыгнул с крыши на крышу и выдохнул. Здесь, между домами, было порядка двадцати — двадцати пяти футов, и вряд ли даже этот приставала за ним последует. Но человек в чёрном прыгнул очень легко эти двадцать грёбанных футов, будто каждый день такое проворачивал, и вгляделся в полумрак. Лицо его было скрыто капюшоном, и сперва Чак не заметил под складками в его тени маску. А когда к нему повернулось белое бесстрастное лицо, разукрашенное чёрными поблёкшими полосами и совсем свежими — алыми, прошедшими под глазами и по подбородку, Чак похолодел и, пятившись, бросился бежать.

Убийство на рассвете. Как поэтично.

Крик обожал вид на утренний Скарборо, а отсюда он был чудесным. В этом старом долгострое на западе города он хотел

покончить с одним из тех оставшихся в живых людей, которые давно должны были примерить деревянные костюмы. Они это заслужили, но правосудие вряд ли настигло бы их. А значит, это сделает *он* — своими силами.

Крик смотрел в спину парня в зелёной куртке: тот был неплохо подготовлен физически. Страх добавлял ему скорости. В два прыжка он забрался на недостроенный этаж и исчез среди балок и внутренних перегородок, пробегая сквозные помещения с пока что не возведёнными стенами. Но зря он надеялся сбежать. Крик с весёлой улыбкой перемахнул следом и помчался параллельно беглецу по внешнему узкому выступу здания. Здесь не было ограждения и перил, просто полоска бетона вдоль окон по левую руку, а по правую — обрыв высотой в семь этажей, вполне достаточный, чтобы кто-то не такой дьявольски ловкий упал и свернул себе шею.

Крик бежал за своей жертвой. Ветер свистел в ушах и почти сбивал с головы капюшон. Никто не знает, что Чак Делори здесь. Никто не придёт к нему на помощь. Есть только он и его убийца, и верный нож в руке — тоже неизменный свидетель чужих смертей. А разве нужен кто-то ещё?

Крик знал, что в Скарборо до сих пор установлен комендантский час. Хотя в Санфорде было хорошо сработано с этой сволочью Колчаком, но Чак был не из тех, кто соблюдал правила и закон. Крик хорошо знал каждый его проступок, большой и малый, потому был и судьёй, и присяжной комиссией, и обвинителем. Адвокатов ублюдкам не положено иметь! Он развеселился ещё больше и обещал себе, что прикончит Делори, и с этого момента разматывающаяся ниточка клубка будет крутиться так быстро, как только сможет, потому что дальше копам некуда бежать и нечего отрицать, а ещё им придётся снять свои покровы, обнажив всю гнилую суть — свою и своих хозяев, которым они по-настоящему служат.

Откос заканчивался, бежать дальше было некуда. Розовое небо словно в отместку казалось слишком прекрасным, чтобы сорваться и погибнуть — и Крик вспомнил руки Лесли в ту ночь, когда он встал перед ней на колени. Внизу живота остро потянуло, глаза заволокло дымкой от острого желания. Это было некстати, но он ничего не мог с собой поделать. Тогда он быстро посмотрел вбок, и в голову ему пришла чуждая мысль.

Через секунду перед лицом Чака, как от взрыва, разорвалось стекло, брызнув осколками, и в окно влетел убийца. Он прыгнул на Чака Делори и повалил его на грязный бетонный пол; ловкий, как кошка, оседлал, заломил руки за спину и защёлкнул на них пластиковые наручники. Всем своим немалым весом он придавил Чака к полу так, что тот не смог двигаться, и обратил к нему жуткую маску, похожую на лицо покойника. Она была разукрашена чужой кровью. Под глазами — старые бурые пятна крови, на губах — свежая алая полоса... Потом — бум! — Крик ударил Делори в нос, и тому почудилось, что в его лице что-то взорвалось.

— Нет, б... б-бостой! — в ужасе завопил Чак, сильно гнусава. Из сломанного носа хлестала кровь.

— Ты недавно слышал примерно те же самые слова, — шепнул хриплый голос под маской.

Крик больно впился пальцами в череп Чака и сжал так, что Делори подумал, что у него раскололась пополам голова. Он застонал и забился под убийцей, но тот не отпустил.

— Ты был на моём месте, кусок дерьма, и не остановился. Свою судьбу ты предрешил уже давно. Что ты плачешь? Разнюнился, сучонок? У всех действий есть свои последствия, но тебя этому не учили, жалкий ты кусок дерьма?

Чак Делори не понимал, о чём именно он говорит, и оттого дрожал ещё сильнее: он не понял, за что умрёт, потому что поводов для самосуда над ним было много, соразмерно его грехам и преступлениям. Он насиловал и грабил. Он убивал... чаще тех, на кого укажут и за кого заплатят. Крик вперился в него взглядом. В прорезях маски глаза были тёмными, как грозовое небо, скрытое тучами.

— Но знаешь... — продолжил яростно убийца, и у Чака затряслись поджилки. — Я буду не так жесток, как ты. Ты прострелил ей лёгкое, избил до неузнаваемости и после изнасиловал, а у меня даже при себе нет пистолета. Ты побледнел, дружок? Понял, о ком я? Взгляни на меня. Смотри. *Смотри.*

Он сел на бёдра Чака, провёл ладонью по его кудрявым каштановым волосам. Зубы Чака отстукивали дробь. Он предвидел, что с ним будет, — и забился, и завыл, пока его не ударили по уху кулаком. С него на щёку тут же потекла кровь.

— За-мол-чи. Я тебя пока ещё не выпотрошил. Чего ты испугался? Всё будет быстро. Чик — и ты труп, не то что она: мучилась

четыре часа, пока твой поделщик вытаскивал ей зубы наживую. Пока вы сдирали с её пальцев ногти. Пока кололи иглами в уши и загоняли иглы в живот и груди. О, а вот это мне нравится.

Он вонзил свой обычный охотничий нож в пол близ его головы — всего в паре дюймов, и Чак от страха вскрикнул, — а потом вынул из специального крепежа на ноге складной хороший нож с узким острым лезвием. Чак попытался лягнуть, но притих, когда Крик прислонил острую грань ножа к горлу. Он с усмешкой наблюдал, как Делори набрал в лёгкие воздуха, тяжело задышал и вдруг завопил что есть сил:

— БОМОГИТЕ! Бомо...

— Ш-ш-ш, — Крик покачал перед его лицом пальцем и щёлкнул по носу. Чак тотчас заткнулся. — Не нужно кричать, тебя всё равно никто не услышит. Ты подписал контракт со смертью, когда уехал в Огасту. А теперь смотри. Смотри внимательно, тут как в шатре у фокусника, следи и наблюдай. — Он показал лезвие, элегантно поигрывая им между пальцами. Оно порхало, как серебряная стрела молнии, из одной руки в другую. — Как думаешь, куда прилетит?

Крик легко перехватил нож правой рукой и всадил его по самую рукоять под грудь Чаку, а затем одним рывком сломал, оставив лезвие в ране.

— А-а-а-а! Уб-лю-док!

Вой был нечеловеческим.

— Нет приметы хуже, чем сломанный под рёбрами нож, — равнодушно улыбнулся Крик.

Он отбросил рукоять в сторону, слушая стоны и рыдания человека, не желавшего умирать. Чак бился под ним до последнего, даже когда Крик рывком вынул из пола большой охотничий нож, высекая лезвием искры о камень, и приложил к паху своей жертвы.

— Брошу, — сквозь боль взмолился Чак Делори. — Божалуйста, долька не это!

— Не — что? Дорожишь своими яйцами или стручком? Давай выберем, что оставить. По считалочке.

— Уболяю, — прорыдал Чак. Слёзы бежали из-под его век, расчерчивая дорожки на грязном лице. — Оставь меня в бокое.

— Чёрта с два, сука!

Крик медленно поднял его футболку лезвием и срезал брючный ремень. Затем сделал длинный неглубокий надрез на коже ниже живота: там всё густо поросло тёмными волосами. Стройку огласил новый вопль, и маньяк мрачно хмыкнул:

— Ты настолько омерзителен, что тебя даже потрошить противно, ублюдок. Хотел бы сказать: чего ты разнюнился, как девчонка, но я не грёбанный мизогинист и не стану оскорблять женщин, сравнивая с тобой. Считаю, сегодня ты выиграл лотерею: даю тебе шанс, глядишь, и выживешь. Хочешь жить, Чак Делори? Отвечай поскорее, у меня мало времени.

И тот, рыдая и с пеной на губах, образовавшейся от криков, полных боли, проговорил, едва ворочая языком:

— Зах-хочу... одбusti бедя...

Крик с безмятежным наслаждением углубил надрез в паху, отчего Делори завопил. Плоть медленно расползалась, нож не торопился сечь, живот и ниже жгло от сильной боли. Убийца в белой маске с безжалостно сомкнутыми чёрными губами глядел двумя безднами вместо глаз. А потом сказал:

— Ты знаешь, я влюблён в женщину. В молодую женщину. Она моложе, чем была Селия, но у той на руках был ещё маленький ребёнок... которого вы убили!

— Божалуйста, де дадо, — всхлипнул Чак.

— Нет-нет, не беспокойся, это хорошая история; это поучительная история, — спокойно продолжил Крик. — Так вот, я влюблён, друг мой, и знаешь? *Моя девочка* учит быть великодушным, где надо и не надо, и доверяет мне. Она всегда делает усилие над собой. Следит за благородством души, понимаешь ли. Считает, каждый имеет шанс на спасение. Это библейская тема, по типу покайся — и воздастся. Я хочу ей соответствовать. Тоже сделать над собой усилие. Быть, знаешь ли, лучше.

Он молниеносно выбросил руку вперёд и схватил Чака за горло. Другой разжал его плотно сомкнутые губы. Чак не знал, что будет дальше, но догадывался — ничего хорошего. Он попытался укунить Крика и снова стиснуть челюсти, разводимые силой, но тот был куда сильнее:

— Так что была не была. Если выдержишь то, что я тебе уготовил, так и быть — отпущу на все четыре стороны. И даже не стану преследовать. Представляешь — никогда больше не появлюсь у тебя на горизонте. Веришь в это? Нет? Ладно, тогда ответь на дру-

гой вопрос. Ты в курсе, что нож при себе иметь необязательно, когда дело касается языка? Язык вырвать голыми руками очень непросто. Так мало кто умеет. Но не переживай! Тебе повезло! Я один из редких знатоков этого старинного искусства.

Чак выпучил глаза и яростно забился. Тогда убийца вскинул кулак. Один удар — и перед глазами поплыли звёзды с американского флага: с мускулистой руки истязателя на чёрную футболку Чака натёк пот. Крик ласково похлопал Делори ладонью по щеке и продолжил:

— Ты же знаешь, мой хороший. Убивать и калечить — тоже работа. Думаешь, треплюсь зря? Вообще, я не любитель трепаться, но знаю, что ты теперь никуда от меня не денешься. И хочу потянуть время, чтобы ты лежал и думал, как Селия, *когда же тебе будет очень, очень больно*. Я покажу, как это делается. Так умеют лишь те, кто часто свежует туши и с мясом... ну вот таким, как ты... хорошо знаком.

Он рассмеялся и раскрыл Чаку рот пошире. Тот попытался сомкнуть челюсти. Крик с силой их раздвинул.

— Я мог бы вырезать в твоём языке дырку, просунуть туда крепкую леску или верёвку и подвесить тебя к во-о-он той балке...

Он ухмыльнулся, указав пальцем на потолочную перекладину. У Чака от ужаса по загривку пробежала дрожь, и он вперемежку с рыданиями застонал. Крик отмахнулся:

— Но подумал, что это чересчур. Леска быстро его оборвёт, и дальше всё будет неинтересно. Так пытали своих пленников мафиози или боевики ещё лет десять или двадцать назад... Но я же не такой, как они. Я борец за добро и, мать вашу, сука, справедливость. Без пяти минут чёртова почти-что-Сейлор-чтоб-её-Мун!

Он крепко схватил Чака за кончик языка и зажал его большим пальцем на уровне нижней губы, а потом проник рукой глубже в рот и надавил на корень. Чак едва не сблевал, инстинктивно равнувшись вперёд.

— Тихо-тихо, все рвотные массы держим при себе, — предупредил Крик, — будь спокоен, я сделаю всё быстро. Некоторые дилетанты тянут с этим долго, нередко приходится работать двумя руками...

Боль, когда он рванул язык на себя, невозможно было описать. Если бы Чак мог, сказал бы: когда его резали ножом, боль была размером с прибрежную гальку, а сейчас — с астероид.